

Пестрая Шкурка

Давно, очень давно жил да был на свете король, а у того короля была жена с золотыми волосами, и была она так прекрасна, что подобную ей красавицу на всей земле не сыскать было.

Случилось ей как-то заболеть, и когда она почувствовала, что скоро умрет, то позвала короля к своей постели и сказала ему: «Если ты после моей смерти вновь пожелаешь жениться, не бери за себя замуж женщину, которая не будет так же прекрасна, как я, и чтобы волосы были у нее такие же золотистые, как у меня. Ты мне это должен твердо обещать!»

Когда король дал ей это обещание, она закрыла глаза и умерла.

Король долгое время был неутешен и даже не думал о второй женитьбе. Наконец, его советники стали ему говорить, что негоже королю быть неженатому и что ему следует жениться, чтобы у его подданных была и королева.

Вот и разосланы были во все страны послы искать королю невесту, которая бы как раз походила красотой на покойную королеву. Но подобной красавицы не могли разыскать во всем свете; а если и находили, так у них не было таких золотистых волос, как у покойной королевы.

Так и вернулись послы домой, не исполнив данного им мудреного поручения.

А у короля-вдовца была падчерица, которая была так же прекрасна, как ее покойная мать, и волосы у дочери были такие же золотистые, как у той. Когда она подросла, король посмотрел на нее однажды, увидел, что она как две капли воды похожа на его покойную супругу, и вдруг вспылал к ней горячею любовью.

И сказал он своим советникам: «Я думаю жениться на моей падчерице, потому что она как две капли воды похожа на свою мать, а другой невесты, которая так же походила бы на покойную жену, я во всем свете сыскать не могу».

Советники, услышав это, перепугались и сказали королю: «Бог воспретил отцу жениться на дочери; из греха ничего не может произойти доброго, и все твое царство из-за твоего преступления погибнуть может».

Падчерица еще более советников перепугалась решения, принятого отцом; но она еще надеялась отговорить его от дурного намеренья.

Тогда сказала она ему: «Прежде чем исполню ваше желание, я должна получить в дар три платья: одно — золотое, как солнце, другое — серебряное, как месяц, и третье — такое же блестящее, как звезды; затем мне нужен плащ, сшитый из тысячи кусков различных мехов так, чтобы от каждого зверя в вашем королевстве было в том плаще по лоскутку его шкуры».

Так говорила она и сама про себя думала: «Этого сделать никак нельзя, и этой невозможной задачей мне, может быть, удастся отговорить отчима от его дурных намерений».

Но король не отступал от своего замысла и заказал всяким искусницам в своем королевстве, чтобы они соткали для королевны три платья: одно — золотое, как солнце, другое — серебряное, как месяц, и третье — блестящее, как звезды; а егерям своим приказал переловить всех зверей в своем королевстве и у каждого взять по лоскутку его шкуры; из всех этих лоскутков разных шкурок был сшит пестрый плащ.

Когда же все по приказу короля было изготовлено, он принес этот плащ и эти платья к своей падчерице, разостлал их перед нею и сказал: «Назавтра назначаю я свадьбу».

Убедившись в том, что нет никакой надежды на возможность отговорить отчима от его намеренья, падчерица решила наконец бежать из отцовского дома.

Ночью, когда все спали, она поднялась с постели и из всех своих драгоценностей взяла только три вещи: золотое колечко, золотую самопрялочку и золотое мотовильце; три платья свои — золотое, как солнце, серебристое, как месяц, и блестящее, как звезды, — она уложила в ореховую скорлупу, пестрый плащ из разных мехов на себя накинула, а лицо и руки свои вымазала сажей.

Затем помолилась и ушла из дома, и шла целую ночь, и наконец пришла в большой лес. Утомившись от долгого пути, она залезла в дупло большого дерева и заснула.

Вот уж и солнце взошло, а она все еще спала, и спала даже тогда, когда солнце поднялось уже высоко. А тут как раз и приключилось, что тот соседний король, которому этот лес принадлежал, выехал в него на охоту. Собаки его, подбежав к дереву, в котором спала королевна, обнюхали его и стали кругом того дерева бегать и лаять.

Король и сказал своим егерям, чтобы они посмотрели, что за зверь укрывается в том дереве. Егеря по приказу королевскому заглянули в дерево и, вернувшись, доложили королю: «В дупле дерева лежит диковинный зверь, какого нам еще никогда видеть не приходилось; шкура его состоит из тысячи разных шкурок, а сам-то он лежит и спит». — «Посмотрите, нельзя ли будет этого зверя живьем поймать, и если можно, то привяжите его на повозку».

Но чуть только королевские егеря прикоснулись к королевне, она проснулась в перепуге и крикнула им: «Я бедная, отцом и матерью покинутая сирота, сжальтесь вы надо мной и возьмите меня с собою».

А они и сказали ей: «Пестрая Шкурка! Ты и точно на кухне можешь пригодиться, пойдем с нами, пожалуй, будешь там в кухне хоть золу выгребать».

Посадили ее на повозку и поехали домой, в королевский замок. Там они указали ей на темную каморку под лестницей и сказали: «Ну, пушной зверек, здесь ты и жить, и спать можешь».

И стали ее посылать на кухню, заставили носить дрова и воду, разводить огонь, щипать перья с битой птицы, овощи выбирать, золу выгребать и всякие черные работы справлять.

Так и жила долгое время Пестрая Шкурка в великой нужде при дворе соседнего короля.

Ах, королевна, королевна, то ли еще с тобою будет?..

Случилось однажды, что в замке праздновался какой-то праздник; вот королевна и обратилась к главному повару, и сказала ему: «Дозвольте мне ненадолго подняться наверх да посмотреть, как там праздновать будут. Я в сенях за дверью постою». — «Ступай, пожалуй, — отвечал повар, — но чтобы через полчаса ты здесь снова была и всю бы золу из печи выгребла».

Вот и взяла она свою масляную лампу, побежала в свою каморку, скинула пестрый свой плащ, обмыла сажу с рук и с лица, так что ее красота вновь явилась во всем своем блеске. Затем вскрыла она свой орешек и вынула оттуда платье, блиставшее, как солнце.

Надевши то платье, она поднялась наверх, где происходил праздник, и все при встрече уступали ей дорогу, так как никто ее не узнал и все полагали, что идет какая-нибудь королевна. Сам король вышел ей навстречу, подал руку и стал с нею плясать, а сам про себя думал: «Такой красавицы никогда еще мне не случалось видеть!»

Окончилась пляска, она поклонилась, и когда король стал ее искать, ее и след простыл, и никто не знал, куда она подевалась. Король призвал к допросу даже сторожей, стоявших перед замком, но те отвечали что не видали никого, кто бы из замка вышел.

А она побежала в свою каморку, живо скинула с себя свое платье, опять вымазала лицо и руки сажею, накинула свой пестрый меховой плащ и опять обратилась в Пеструю Шкурку.

Когда она пришла в кухню и хотела приняться выгребать золу, старший повар сказал ей: «Золу оставь до завтра, а вот вари суп для короля, а я тоже сбегаю, погляжу на праздник; только смотри, чтобы ни волоска в суп не попало, а то я тебя больше и кормить не стану».

Пошел повар наверх, а Пестрая Шкурка сварила суп для короля, да к тому же еще хлебный, сварила, как умела, и когда суп был готов, она сбегала в свою каморку, достала свое золотое колечко и опустила его в ту миску, в которую налит был суп.

Между тем наверху танцы окончились, король приказал принести себе суп, стал его есть, и суп показался ему таким вкусным, какого он еще никогда не едал. Доев суп до конца, он увидел на дне супницы золотое колечко и никак не мог понять, как оно туда попало.

Вот и велел он позвать к себе повара. Повар перепугался, услышав этот приказ, и сказал Пестрой Шкурке: «Верно, ты как-нибудь волос в суп обронила? Если это так, то тебе не избежать побоев».

Когда он пред королем явился, тот спросил его: «Кто суп варил?» — «Я его варил», — отвечал повар. «Это неправда, — сказал король, — суп был совсем иначе сварен и притом гораздо вкуснее прежнего». Тогда повар сказал: «Должен признаться, что не я тот суп варил, а Пестрая Шкурка». — «Пойди и позови ее ко мне», — сказал король.

Когда Пестрая Шкурка пришла, король спросил ее: «Кто ты?» — «Я горемыка, у которой нет ни отца, ни матери». — «Зачем ты у меня в замке?» — «Затем, чтобы каждый мог мною помыкать и надо мною издеваться». — «А откуда у тебя то золотое кольцо, которое я нашел на дне супницы?» — продолжал допрашивать король. — «Ни о каком кольце я ничего не знаю», — отвечала она. Так король ничего и не мог от нее разузнать и отправил ее обратно на кухню.

Несколько времени спустя в королевском замке был опять праздник, и Пестрая Шкурка, как и в тот раз, отпросилась у повара сходить наверх и

посмотреть на танцующих. Он отвечал ей: «Ступай, но через полчаса будь здесь и свари королю тот хлебный суп, который ему так понравился».

Тогда она побежала в свою каморочку, поскорее умылась, вскрыла ореховую скорлупочку и, вынув из нее платье, серебристое, как месяц, нарядилась в него.

Потом пошла наверх — ни дать ни взять королевна; и король вышел ей навстречу и обрадовался тому, что вновь ее увидел, и так как танцы только что начинались, то он и стал танцевать с нею. Когда же танцы окончились, она снова исчезла так быстро, что король и заметить не мог, куда она девалась.

Она же прибежала в свою каморку и опять обратилась в Пеструю Шкурку, и пришла на кухню суп варить. Когда повар отлучился наверх, она принесла из своей каморки золотую самопрялочку и положила ее на дно миски, в которую суп был налит.

Затем суп был подан королю на стол, и тот его стал есть, и показался он ему таким же вкусным, как и в прошлый раз; съевши весь суп, король приказал позвать повара, и тот ему опять-таки должен был признаться, что варил суп не он, а Пестрая Шкурка.

Призвали и ее к королю, но она по-прежнему отвечала, что здесь только всем на посмех и в обиду, и что она ничего не знает о золотой самопрялочке.

Когда же король в третий раз устроил праздник в своем замке, и на этом празднике все происходило, как на двух предшествовавших. Только повар сказал ей: «Ты, Пестрая Шкурка, верно, колдунья, и суп твой потому именно королю и нравится больше, чем мой, что ты всегда что-нибудь в суп подкладываешь».

Однако же, по просьбе ее, он ее отпустил на определенное время наверх. Вот она и нарядилась в платье, блиставшее, как звезды, и в нем вошла в залу. Король снова пригласил ее танцевать с собою, и ему показалось, что она еще никогда не бывала так хороша, как в тот день.

И в то время как она танцевала с ним, он не приметно надел ей колечко на пальчик и приказал, чтобы танец длился подольше. По окончании его он попытался было удержать ее за руки, но она вырвалась и так быстро юркнула в толпу, что мигом скрылась у него из глаз.

Королевна бегом прибежала в свою каморку, но так как она долее получаса оставалась наверху, то уж не успела снять свое чудное платье, а только поверх него накинула свой пестрый плащ; впопыхах не успела она себе достаточно

зачернить лицо сажей, и на руке ее один из пальцев остался белым. Затем она побежала в кухню, сварила суп королю и в отсутствие повара положила в него золотое мотовильце.

Король, как увидел мотовильце, так сейчас же приказал кликнуть к себе Пеструю Шкурку, и ему тотчас бросился в глаза незачерненный пальчик и его колечко на нем.

Тут схватил он ее за руку и держал накрепко, а когда она хотела вырваться и убежать, пестрый меховой плащ распахнулся немного, и из-под него блеснул ее наряд, сиявший, как звезды. Король ухватился за плащ и сорвал его. При этом ее золотистые волосы рассыпались по плечам, и она явилась пред ним во всей красе своей и уже не могла от него укрыться.

И когда она смыла с лица своего сажу и копоть, то стала такою красавицей, что во всем свете другой такой и не сыскать! Король тут и сказал ей: «Ты моя дорогая невеста, и мы никогда более с тобою не расстанемся».

Отпраздновали они свадьбу и жили в довольстве до самой своей смерти.